

Петр Чалый

УЛЬЯНИЩЕВСКИЕ ЯБЛОКИ

(Слава и закат Россошанской зональной
опытной плодово-ягодной станции)

Очерк

Петр Дмитриевич Чалый родился в 1946 году в селе Первомайском Россошанского района Воронежской области. Автор двенадцати книг прозы. Более тридцати лет работал корреспондентом воронежской областной газеты «Коммуна». Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Наш современник», «Кольцовский сквер», «Воин России». Награжден орденом «Знак Почета». Дипломант форума «Золотой Витязь», лауреат литературных премий «Имперская культура» им. Э. Володина, «Родная речь», «Кольцовский край», всероссийского конкурса «О казаках замолвите слово», им. В.А. Белокрылова. Член Союза писателей России. Живет в Россоши.

Когда город Россошь в 1973-м отмечал полувековой юбилей, был объявлен конкурс на лучший его геральдический знак. Предпочтение отдали гербу, на голубом щите которого красовалось наливное золотобокое яблоко.

Выбор оказался не случаен. Люди старшего возраста помнят: подстепье Воронежской области садами особо не было отмечено. А уже в 1970-е россошанские яблоки на вкус знали в Сибири и на Урале, в Москве и Ленинграде и далеко окрест. По осени во все концы страны здешние садоводы отгружали яблоки железнодорожными вагонами. Колхозные и совхозные сады наших мест исчислялись сотнями гектаров. Создали производственные объединения. Всему этому во многом способствовали ученые Россошанской зональной плодово-ягодной опытной станции, возникшей еще в тридцатые годы.

...Из личного. В ту пору я начинал работать корреспондентом в районной газете. Из окна второго этажа старого купеческого дома вся улица на виду. В послеобеденный час внизу часто останавливался малый и броский цветом оранжевый «запорожец». Из салона легковушки из-за руля выбирался рослый человек в неизменной шляпе. Я

однажды пошутил в адрес водителя: как в кабинке помещается. Мой сосед по кабине-ту глянул в окно. На правах старожилки гордо объяснил мне: «Это наш Мичурин!» А хозяин автомобиля привычно шел в стоящие рядом магазины — книжный и хлебный.

1

Ночь была студеной. К утру на вымороженном оконном стекле цвели райские сады да и только. И в комнате — яблочный запах: на столе лежали круглобокие яблоки, красный румянец на сочной зелени. Яблоки не из того остуженного сада, а из настоящего. Женщина бережно брала плоды на ладонь и называла: «Апрельское. Ренет воронежский. А это еще без имени. Номерное».

Руками, которыми сейчас перебирает яблоки, она всю свою жизнь выныривает еще неведомые людям сорта яблонь, груш. Зовут женщину Анна Михайловна. Кандидат сельскохозяйственных наук, работает на Россошанской опытной плодово-ягодной станции. Фамилия ее известна не только в Россоши, но и садоводам, профессионалам и любителям всей России. Известна больше по отцу — Михаилу Михайловичу Ульянищеву. Впрочем, заявлять так не совсем верно. В садоводстве Центрального Черноземья отец начал и проложил торную тропу. Дальше ведут другие. Селекция любимой Михаилом Михайловичем яблони — на плечах дочери Анны Михайловны. Сегодня за свои дела она сама в ответе перед людьми и памятью отца.

На белом свете немало ремесел. Всякое своеобычно. Но ремесло человека, держащего в руке колос, плод, какого до него (непросто даже представить — нигде, никогда) в глаза никто не видывал, согласитесь, удивляет любого из нас. Удивляет при всем том, что учебник школьной ботаники еще в детстве понятно объяснял: рождение нового сорта растения — процесс, в принципе, простой. Скрещивание, прививки, опыление — и как живая смотрится на цветной картинке мичуринская груша «бере зимняя».

Просто? Не совсем. Тут к месту будет известное присловье: скоро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Не копаясь в увесистых справочниках, припомним хорошо знакомое: яблоневого сорта выведена тьма. Новых, районированных, перспективных (как их еще величают?), но из садов средней полосы России вот уже третью сотню лет не уходит «антоновка» безвестного крестьянина-помолога (так в старину называли садоводов-селекционеров). Та самая «антоновка», какая Англию от цинги спасла.

Факт менее известный. Доктор наук Михаил Михайлович Ульянищев дал жизнь тридцати шести новым сортам яблонь. А самым-самым оказался сорт «россошанское полосатое». Ареал его распространения, говоря ученым языком, только в промышленных садах Воронежской и Белгородской областей — три тысячи гектаров. А еще Волгоград, Курск, Ростов, Липецк. «Россошанское полосатое» растет в Кремлевском саду и на ВДНХ, в садах Германской Демократической Республики, как «дерево дружбы» отправлено за океан, в Канаду. Россошанская станция принимает из разных краев нашей страны от организаций и просто садоводов просьбы: помогите обзавестись ульянищевскими яблонями. И в списке сортов почти всегда на первом месте стоит «россошанское полосатое».

Родословная сорта вместилась в несколько строк главной книги Михаила Ульянищева «Яблоня»: «Получен путем посева семян Кронсельского прозрачного от свободного опыления. Целый ряд признаков как плодов, так и самого дерева доказывает, что отцом нового сорта является Апорт красный».

В биографии ученого-помолога, в его научном наследии рождение «россошанского полосатого» помечено «зарей туманной юности». Подчеркиваем, в биографии ученого. В жизни же к тому времени годы юные прошли. То время — двадцатые годы

двадцатого столетия. За плечами учителя Россошанской единой трудовой школы — тридцать прожитых лет. И как прожитых!

В прошлом — зеленотравное слободское детство. Отец рано помер, сын его и не запомнил. Растила мать, сельская учительница. Кто знает, может, с той поры в детской душе родилось так и не покинувшее всю долгую жизнь чувство привязанности к дереву как к живому существу. В степной слободе Ольховатке, судя даже по ее названию, дерево было у жителей в особом уважении. Как и яблони, груши в дворянских, помещичьих и крестьянских усадьбах.

В прожитом и пережитом — учеба в Воронежской гимназии, три курса естественного отделения Московского университета. И Первая мировая война — на фронт германской ушел рядовым солдатом-охотником. Брусиловский прорыв, две медали «За храбрость» и два серебряных Георгиевских креста. В гражданскую войну — сапер Красной Армии, воевал против белой гвардии на Украине.

В мирные двадцатые годы — возвращение на родину. Учительствовал в Россоши. Вел домашний огород, с приусадебной полоски кормилась семья.

После подытожит в автобиографии: «Империалистическая война оборвала мою учебу на середине и познакомила меня с землей, но несколько с другой стороны — как с надежной защитой от пуль и снарядов: я стал сапером, рыл землю, строил окопы, убежища.

Только после гражданской войны, сделавшись учителем, я познакомился и с другой стороной земли, засадив учительский огород. Вот здесь-то растения овладели мной: меня поразили необыкновенная отзывчивость растений к уходу и необыкновенное разнообразие растений одного вида. У меня возникла тогда мысль об исключительных возможностях даже самого простого отбора среди такого богатого многообразия».

Общение с землей предопределило тягу к науке. Читал труды нашего биолога Эрвина Бауэра, американца Вильяма Гардвуда, ученого-селекционера из Калифорнии Лютера Бербанка. Того, кто вывел сливу без косточек, кактус без колючек, грецкий орех почти с бумажной скорлупой. Впрочем, зачем за море ходить! Дела, можно сказать, земляка Ивана Владимировича Мичурина — на глазах. А судьба долго неизвестного писателя Андрея Тимофеевича Болотова, отца русской агрономии, подарившего человечеству новую науку о сортах плодовых и ягодных растений — помологию, а России — картошку, помидор! Он же — открыватель гибридов, зачинатель лесоводства, ихтиологию, электролечения, микроскопического анализа. Самородок, шагающий через столетия из своего восемнадцатого века.

Читал, работал и думал Ульянищев.

Позже он обмолвится в служебной автобиографии одним, но значащим предложением, хорошо объясняющим его тогдашнее состояние: «Захватила идея обновления земли».

Идеи славных предтеч всю жизнь будут стоять перед ним. В честь Болотова поименует Ульянищев один из своих яблоневых сортов.

Михаил Михайлович Ульянищев

А пока свободной учитель с 1922 года на собственном приусадебном участке пытается улучшить распространенные в здешних местах сорта картошки и помидоров. Он создает сельскохозяйственную артель «Речная». Поступает в сельскохозяйственный институт. Учитя без отрыва от производства. И — начинает серьезно заниматься садоводством. Вскоре случилось так, что сама природа помогла энтузиасту Ульянищеву выбрать материал для селекционной работы. Не все плодовые деревья смогли устоять перед губительной морозной зимой 1927–1928 года. Именно тогда молодой селекционер создал наиболее морозоустойчивые экземпляры. Плоды, собранные в Ольховатском районе с двух «сильных» деревьев абрикоса, послужили ему исходным материалом для выведения новых сортов — «золотое лето», «фиалковый» и других. В эти же годы будущий ученый намечает широкую селекционную работу по плодовым, ягодным, цветочным культурам, винограду. И, как человек обязательный, выполняет ее.

Анна Михайловна Ульянищева

Тогда к его худощавой рослой фигуре привыкают в базарных рядах, где он, сутуловатый, маятником ходит у прилавков, заваленных яблочными горками, присматривается и выкупает самые лучшие плоды.

Запомним дату: в 1927 году Ульянищев держал на ладони темно-коричневые семечки, из которых и родится «полосатое».

На высоком не затопляемом в водополицу берегу Черной Калитвы, там, где она сливается с речушкой поуже — Россосошь, на глазах набирает рост тополевая рошица — застава суховею и студеным ветрам. За плотной зеленой спиной растут сеянцы яблонь, груш, абрикосов, слив.

Рабочее место — в саду и за письменным столом над первой рукописью «Мои опыты с плодовыми».

Защищает диплом. Выступает с докладом в Мичуринске. На его опыты обращают внимание ученые Центральной генетической лаборатории и Научно-исследовательского института имени И.В. Мичурина. Они приезжают в Россосошь на «смотрины». Принимается решение: за хуторской околицей отвести землю институтскому садоводческому опорному пункту. Заведующий М.М. Ульянищев получает 25 гектаров чернозема, плетневую хатенку и 25 тысяч рублей на организацию работ.

Очевидно, тогда уже Ульянищева занимала одна дума, высказанная таким же «самодеятельным» садоводом: селекционер лишь тогда добьется большого успеха в работе над новым сортом, когда начнет мечтать не о маленьком участке перед домом, а обо всей земле — как о бескрайнем молодом саде.

Двадцать пять гектаров лугового чернозема в речной пойме — еще далеко до всей земли, но уже и не клочок приусадебного надела, на котором, впрочем, главная работа ученого-садовода продолжалась без перерыва.

Наработанные за двадцать лет труды чуть было не порушила война и полгода немецкой и итальянской оккупации с 7 июля 1942 года по 16 января 1943-го. Ульянищев вместе с помощниками Татьяной Петровной Чеховой, Михаилом Андреевичем Позенко, Яковом Михайловичем Девятко, Семеном Митрофановичем Бели-

ком и другими сумели сберечь садоводческий сортовой фонд и селекционное богатство. Уже в январе 1944 года постановлением Воронежского обкома ВКП(б) и облисполкома Россошанский плодово-ягодный Опорный пункт имени И.В. Мичурина был реорганизован в Воронежскую областную плодово-ягодную опытную станцию.

«Со временем (в 1947 году) Михаил Михайлович представил свои материалы для присуждения ученой степени, — вспоминает академик Евгений Николаевич Седов. — По правилам защиты он мог присутствовать на обсуждении заслуг. И когда один профессор воспел их, а второй подлил еще оливкового еля, то Ульянищев попросил слова и сказал: “Вот тут я прослушал уважаемых коллег, но все, что они сказали, — это не про меня, я не такой. Я садовод, а здесь говорили о крупном ученом”. И в тех словах не было никакой рисовки. Он был твердо уверен, что он действительно простой садовод. Ученые мужья зашикали: “Лучше ты уходи, а мы тут без тебя разберемся, кто ты и каковы твои заслуги”. И без сомнений, единогласно проголосовали за присвоение ему ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук.

Учителю, музыканту и композитору Борису Геньбе в молодости таким запомнился ученый-садовод:

— После службы в армии меня сманили поработать в отделе опытной станции — в качестве техника. Помещение небольшое, кабинеты крошечные, ульянищевский — рядышком. Я ни разу не услышал, чтобы он «тыкал», его интеллигентность любого ставила на свое место. В разговоре — мягкий, сдержанный и совсем не въедливый. И лишь однажды удалось склонить Михайловича на партию в бильярд, в результате чего сам же и был посрамлен. Я-то думал, что я игрок.

А позже был сражен, услышав его игру на гитаре и романс «Я вас любил в молодые годы» (а о нем говорили — строгий, педантичный). Да! Удивительная работоспособность заставляла и окружающих так же относиться к делу — наука не терпит неорганизованности. Может, поэтому Ульянищев так многого в ней достиг.

...Обратим внимание еще на дату: в 1937 году Ульянищев держал в руке первые яблоки сорта «россошанское полосатое» — округлые, как точеные, по зеленому с желтизной цвету, будто полосатые оранжевые мазки кистью.

Больше десяти лет жизни отдано сорту, у него уже есть имя.

Испытаны сотни сеянцев, из множества вариантов выбран показавшийся самым нужным. И впереди — испытание жизнью. Ни сам ученый, ни разумная голова со стороны не могли сказать определенно, точно, чего стоит многолетний труд.

Впереди у Ульянищева будут занесены в авторский список десятки новых сортов яблонь, абрикосов, слив. Опорный пункт Россоши станет научным садоводческим центром на юге Центрального Черноземья. Будут написаны статьи и книги, учебные пособия. Без защиты диссертации за научный труд ученому присвоят степень доктора сельскохозяйственных наук. Ульянищева наградят большими и малыми золотыми, серебряными медалями ВДНХ СССР, ему вручат высший орден страны — орден Ленина.

Его в научном поиске поддерживают Александр Евграфович Величко, Василий Николаевич Попов, руководители опытной станции.

Впереди будет избранная любимая работа, целая жизнь.

Но вот и она, отмеренная судьбой, человеком пройдена. А первенец — «россошанское полосатое» — зацветает по весне тысячегаектарными садами, а по осени одаривает людей соковыми плодами.

Недавно мне попала на глаза репродукция работы интересного художника из костромской деревни Ефима Честнякова: крестьяне, взрослые и малые, везут на телеге большущее яблоко. Картина к сказу о воплощении народной мечты названа «Чудесное яблоко». Так можно сказать и об ульянищевских яблоках, над новыми сортами которых сегодня работает Анна Михайловна.

— Еще отец начал скрещивание «россошанского полосатого» и американского сорта «Джонатан». Сейчас из потомства есть тридцать перспективных сеянцев. Продолжаем испытывать, отбирать пока непривычные низкорослые сорта плодовых — яблонь, груш, слив. Это новое направление в садоводстве. Выращиваем так называемые колониовидные деревья с малой пряморослой кроной. Плоды растут на коротких веточках прямо у ствола. Яблоня похожа на колонну, овитую яблоками. Урожайность хорошая. Занимает мало места. Хороша она для сада на небольшом участке. Ухаживать за деревом проще.

— А каковы конкретные результаты вашей работы, допустим, за прошедший год? Анна Михайловна улыбається.

— Односложно не ответишь. Районированы — значит, приняты в промышленное садоводство — в Ростовской области «россошанское вкусное», в Воронежской — «россошанское августовское» и «ренет воронежский».

Из таблицы, вывешенной в простенке между окнами, выписываю любопытные цифры: 358 центнеров с гектара (12 трехтонных грузовиков) — урожайность «россошанского августовского»; в тех же условиях на четыре трехтонки меньше урожайность контрольного известного канадского сорта «Мельба».

Ульянищева говорила о селекционной работе. В кабинете из лаборантской заходила девушка, советовалась:

— Какую оценку ставить сорту?

На столе Анны Михайловны стопы книг, научных журналов, исписанные и чистые листы бумаги.

Конечно, сегодня ей как селекционеру работать вроде и легче. В ее распоряжении — хорошо (не будем говорить «прекрасно»: всегда хочется лучшего) оборудованные лаборатории, где быстро и точно выполняют биологический, агрохимический анализы плода, листа, почвы. Не надо ходить по базарным торговым рядам в поисках нужного яблочного семечка — на станции гибридный фонд в 150 тысяч саженцев. В ее распоряжении, наконец, неопределимый опыт отца, опыт его соратника, кандидата сельскохозяйственных наук Георгия Дмитриевича Непорожного, Юрия Ефимовича Пухтинского и других селекционеров из первого поколения научных работников станции. Однако все это не облегчает работу создателя нового сорта дерева, которое нас кормит. Впереди всегда дорога не менее трудная, чем у предшественников. Показывая биохимическую лабораторию, уставленную разнообразными приборами, заведующая в минуту мне объяснила, из каких кислот-витаминов-сахаров состоит яблоко. Все мы вроде уже знаем, до всего докопались. Но вот, попробуй-ка, сотвори его — краснобокое, наливное, на тоненькой веточке. Ученый, в конце концов, остается один на один в конкретном случае — с яблоней, и никакая электронно-вычислительная голова не сможет за него найти тот самый верный путь к рождению нового яблока.

— Ваш любимый сорт? — допытываюсь я у Анны Михайловны.

— «Апрельское» и еще, пожалуй, «россошанское полосатое».

— Любимый цветок?

— Трудно ответить.

Спросил я о цветах не случайно. В конце сороковых годов с цветоводства началась самостоятельная селекционная работа Анны Михайловны.

«Селекция груши в Воронежской области» — тема кандидатской диссертации. В соавторстве с Георгием Дмитриевичем Непорожным выведены знаменитые сорта груш — «мраморная» и «десертная россошанская».

А сегодня главные хлопоты — у яблони. «Яблоня нужней всего, она самая ценная из всех деревьев и поэтому воспета Гомером», — давным-давно, еще в начале семнадцатого века — и надолго, — категорично высказались французские доктора естественных наук.

Заглянула на минутку в кабинет младшая сестра Ольга Михайловна. Тоже научный сотрудник станции, цветовод.

— А ваши дети? — спрашиваю у Анны Михайловны.

— Не садоводы, — с прежней улыбкой отвечает она. — Пошли в химический институт. Пока не садоводы. А там кто его знает, отец ведь тоже учителем химии был...

2

В свежей раме на высвеченной молодым декабрьским снегом стене — портрет.

Не без любопытства всматриваюсь: лицо мужчины в годах, над большим лбом ровно зачесаны вверх высветленные годами волосы, старательно художник писал руки ученого, они сразу притягивают к себе внимание — тяжеловатые, перевитые узлами вен руки, немало поработавшие как в саду, на земле, так и в лаборатории, за письменным столом.

Евгений Георгиевич Бисти, садовод, агротехник. Знакомясь, как всякий человек, постоянно занимающийся физическим трудом, сильно пожимает ладонь.

В январские дни Нового года у доктора сельскохозяйственных наук Бисти свой личный праздник, какой бывает у каждого из нас, — день рождения.

Подобная дата непременно заставляет человека пристальнее оглядеть пройденную дорогу лет, а их набирается уже больше семидесяти.

Слушая Евгения Георгиевича, не мог не задать ему этот вопрос.

— Как стал ученым-садоводом? — повторил он и отвечал, будто рассуждая наедине с собой. — Дорогу родителей не повторяю. Они у меня были сельскими врачами. Место рождения, пожалуй, уже как-то определило в детстве мои интересы. Рос в ярославском селе, какое искони славилось огородничеством. Ближнее к дому учебное заведение — садоводческий огородный техникум. Где и учился. В коллективизации участвовал участковым агрономом. После армейской службы поехал в Мичуринск, поступил в плодоовощной институт. Студенческие годы были отмечены счастливыми событиями и горькими. В печальном карауле провожал в последний путь своего главного учителя — Ивана Владимировича Мичурина.

Научным сотрудником поехал трудиться в Астрахань.

Война заставила взяться за саперную лопатку, командовал взводом под Сталинградом. После отозвали на трудовой фронт. Ученый агроном должен был кормить армию.

Кончилась война — пришел вновь учиться в аспирантуру научно-исследовательского института имени И.В. Мичурина. В 1949 году направили на работу в Россошь — на опытную плодово-ягодную станцию. Здесь стал кандидатом сельскохозяйственных наук.

В конце шестидесятых Высшая аттестационная комиссия, утвердив защиту моей новой работы, присвоила звание — доктор сельскохозяйственных наук...

Евгений Георгиевич рассказывал, оглядывая свой большой письменный стол. В понятном только хозяину порядке стол был усыпан исписанными листами, блокнотами, стопками журналов и книг.

К услышанному необходимо добавить: Бисти был награжден медалью «За трудовую доблесть».

* * *

...Газета «Семейный летописец» Ярославского историко-родословного общества благодаря ее автору Елене Глаголевой дополнила уже в 2016 году то, о чем, возможно, не ведал и сам Евгений Георгиевич.

«Историю земского врача *Георгия Матвеевича Бисти* я узнала из документов Государственного архива Ярославской области.

Точная дата рождения доктора — 29 мая 1877 года. Произошло это событие на острове Андрос в Греции. В 1900 году *Георгий* окончил Афинский университет с званием доктора медицины. В России с 1890 года в Крыму проживал его родной дядя *Леонид Георгиевич Бисти*. К нему и переезжает в 1904 году молодой доктор. Однако *Георгий Матвеевич* не задержался в южных краях. Во время японской войны ввиду надвигающейся холеры он поступил эпидемическим врачом в Романо-Борисоглебское земство Ярославской губернии. Как записано в деле, с условиями русской жизни свыкся вполне, в совершенстве владел русским языком, по прибытии в нашу страну за границу не выезжал, со своими родителями вел переписку.

В 1906 году *Георгий Матвеевич* венчался в селе Раменье с шестнадцатилетней дочерью местного священника *Софьей Александровной Лавровой*. В январе 1908 года родился сын *Евгений*, а в январе 1910 года — сын *Матвей*. Интересный факт — в восприемника при крещении *Матвея* записан «греческий подданный *Константин Матвеевич Бисти*». Скорее всего, это был родной брат.

Верой и правдой служил в наших краях земский врач-эпидемиолог. Случаев опасных инфекционных заболеваний в те годы было немало: оспа, скарлатина, дифтерия, брюшной тиф. В Ярославской губернии с 1907 по 1910 год было пять холерных эпидемий с 2915 случаями заболеваемости и 40-процентной смертностью больных. В 1926 году была последняя вспышка холеры в селе Норское (тогда заболело 82 человека). Летом этого же года умер земский врач *Бисти*. Провожать его в последний путь собралось множество народа. Похоронен *Георгий Матвеевич* на скромном сельском кладбище *Давыдково*.

...Врача *Бисти* помнит жительница села, хранительница местной старины *Татьяна Андреевна Любимкова*.

— У моего отца было много друзей. И учитель *Артюков Александр*, и наш агроном, и доктор — все были дружны с моим отцом. Раз гуляли мои родители у кого-то из односельчан на свадьбе. Невесте с женихом стали гости кричать: «Горько!». А уважаемый всеми доктор *Бисти* сидел рядом с моей мамой *Марией Васильевной*. Он разгорячился и кричит: «А ну-ка нам с *Марией* кричите «Горько!»». Гости его послушались и грянули весело: «Ой, горько — горько!» *Мария* засмеялась: «Как же я буду с вами целоваться — у меня муж сидит напротив за столом!» Но доктор не отступился, пока не поцеловал *Марию*. Тут встал батя с полной чаркой и говорит: «С моей-то женой и доктора не брезгают целоваться». И выпил вино».

Краеведу *Елене Глаголевой* удалось найти следы младшего сына врача — *Матвея*. Брат *Евгения Георгиевича* принадлежал к подвижническому племени председателей колхозов. В его дневнике, исписанном аккуратно и убористо, есть важная запись, характеризующая род *Бисти*: «Нужно прожить созидательной жизнью. Жизнь может быть тяжелой, трудной, неуютной, но она должна быть созидательной...»

* * *

— Основная моя работа, — рассказывал ученый, — исследование пригодности почв для садоводства в степной зоне Центрально-Черноземной полосы. Пытаюсь найти ответы на вопросы об обработке земли. Круг проблем немалый...

Стоящий напротив шкаф плотно заселен книгами — научные труды, изданные в Москве, в Воронеже, в Мичуринске. Автор и коллективных сборников, и отдельных книг — *Е.Г. Бисти*. «Летучим дождем» — розовые, небольшого размера брошюры, выпускаемые областной сельскохозяйственной выставкой, какие нередко можно видеть в руках агронома на полевом стане бригады. Переписываю в свой блокнот названия книжек — «Выбор местоположения и почвы под сады в областях Централь-

Евгений Георгиевич Бисти

но-Черноземной зоны», «Улучшение водного режима сада — основа повышения его продуктивности». Записываю: больше четырех десятков научных работ подготовлено Евгением Георгиевичем.

Доклады, сборники, популярные издания — это один из итогов научного труда. У ученого, который всей своей работой связан с землей, есть и другой, не менее важный итог. В конкретном случае у Евгения Георгиевича — это плодовые сады на землях Воронежской, Липецкой и Белгородской областей. К садам Черноземья Бисти, как и любой другой ученый Россошанской плодово-ягодной опытной станции, лично причастен.

В садоводстве, когда речь заходит о роли ученых, об их вкладе в науку и производство, в первую очередь называются имена селекционеров. Тех, кто стоит на самом ответственном научном посту — у колыбели нового сорта. Но, пожалуй, не менее важен труд и других ученых, воспитывающих «новорожденного», выводя его в люди. Не потому ли Михаил Михайлович

Ульянищев, приступая к созданию своей книги «Яблоня», справедливо заметил: «Положение И.В. Мичурина, что “сорт решает успех дела”, следует понимать шире: успех дела в садоводстве решают сорт, плюс подвой, плюс агротехника, включая в нее очень ответственный момент — выбор места под насаждения».

Уж кто-кто, а сам селекционер знает, чего стоит труд его товарищей по ремеслу.

— Чтобы с чистой совестью дать обоснование со всех сторон, конкретные советы — где и как лучше сажать промышленный сад, пришлось объездить, обходить, обследовать все подходящие для садоводства земли Центрально-Черноземной зоны, — говорит Евгений Георгиевич. Он подкрепляет сказанное, перекладывая схемы, таблицы, землеустроительные карты, где говорилось о рельефе местности, о типах почв, о состоянии и урожайности разных сортов, в которые он вчитывался, как в любимую книгу.

— Подобные исследования в нашей местности, — подчеркивает Бисти, — частично проводились лишь в тридцатые годы, так что у нас был непочатый край дел. Теперь же выдаем рекомендации о садовой пригодности почв любому хозяйству.

Меня заинтересовала узкополосая фотография: корень яблони в свой полный рост — причудливо сотканный природой узор. Ученый усмехнулся.

— Пришлось покопаться.

Вначале и я подумал про себя с улыбкой: копаться ведь пришлось ради одного только, пускай и любопытного, факта, засвидетельствованного потом в книгах: у 25-летнего дерева сорта «Анис» суммарная длина корней — 150 километров.

Но, оказывается, факт этот необходим и для обобщений серьезнее.

Привыкли: наступала осень, и в сад заезжал трактор с плугом и крест-накрест полосовал зяблевыми бороздами междурядья. Общеизвестна истина: без постоянной обработки почвы саду щедро не плодоносить. Но садоводы замечали и другое. Плуг неизбежно рвал корни, и по весне деревья болели; зеленые листья, распутившись, вдруг сворачивались в трубочку. Борозды нередко превращались в устройство «с гор вода», по канавкам талые, дождевые ручьи скатывались в овраг, смывая и плодородный чернозем.

Ученые давали рекомендации — обрабатывать почву в саду лущильниками. Бисти ставил опыты, чтобы научно обосновать агротехнические советы. Определил, что корни яблони, к примеру, ежегодно прирастают по радиусу на 30–50 сантиметров. А это означает, что в саду десятилетнего возраста при обычных в ширину восьмиметровых междурядьях «ступить негде с лопатой»: свободной от корней дерева земли нет. Сплошь сплелась живительная сеть, заденешь которую — навредишь дереву.

Садоводы уже прикидывали: а будет ли польза только от поверхностной обработки почвы, не заглушит ли сады дурнотравьем?

Ученый — по сути, вслед за крестьянином-академиком Терентием Мальцевым — сравнивал и выявлял, как влияет на развитие, на урожайность сада обычная вспашка на одном участке и обработка почвы тяжелыми дисковыми боронами в соседнем яблоневом квартале. Опытным путем он доказал, что в условиях Центрального Черноземья в сад с плугом заезжать не обязательно. Преимущество, и серьезное, за лущением почвы: во-первых, не губятся корни деревьев, во-вторых, бороной можно рыхлить почву чуть ли не вплотную к стволу дерева (лопата в отставку), в-третьих, поверхность взрыхленной земли выравнивается лучше, чем при вспашке, в-четвертых, лущение почвы обходится хозяйству дешевле, да оно всегда короче ив сроках...

Для читателей, не посвященных в эту отрасль, небезынтересно следующее. Когда Ульянищев писал в своей «Яблоне», что «за последние годы... вместо старой шаблонной агротехники разработаны биологически обоснованные приемы новой агротехники» в садоводстве, то он, несомненно, подытоживал весомые итоги работы агротехнического отдела своей станции, руководил которым долгие годы Бисти.

3

Если бы в далеком детстве услышала, что ее судьбу высветит вишневое солнце, станет она ученым-садоводом, «мамой» новых сортов вишни, сливы и черешни, то девочка Саша из алтайского села Усть-Пристань посмеялась бы.

— Плыла на пароходе по Оби в город сдавать экзамены в текстильный институт, — рассказывает Александра Яковлевна Ворончихина. — А попала в эвакуированный к нам Воронежский сельхозинститут на плодоовощной факультет. Началась учеба, понравилось. Когда после первого курса, в сорок четвертом, институт возвращали домой, менять будущую специальность не захотела. С первой группой отправилась в Воронеж — сторона мне не чужая, мама корнями тамбовская.

Знала, что война несла разруху, но увидеть такое не представляла. Город весь в развалинах. Трамвай не ходил. В кузов грузовика сложили пожитки. Учиться сразу не пришлось. Рядом с институтом в поле закапывали, засыпали землей окопы.

Сталинская стипендиатка поныне с благодарностью говорит об институте, преподавателях и сокурсниках. Диплом с отличием она получила вместе с направлением в аспирантуру. Ехала в Мичуринск, и в вагоне запомнилась попутчица.

На входе пальто у девушки была приколата брошечка — кисть наших сибирских яблук. Поговорили и расстались. Не знали, что вскоре встретимся снова на ее родине — в Россоши. Ее отец, Михаил Михайлович Ульянищев, основатель опытной плодово-ягодной станции, определил направление работы молодым научным сотрудникам. Анна Михайловна Ульянищева займется селекцией плодовых, а я — косточковых.

...С пятьдесят первого года по текущий день пятый десяток лет жизнь Ворончихиной связана с садом. Здесь тоже, как и в любом другом деле, «Москва не сразу строится». Здесь тоже — «терпение и труд все перетрут». А еще, считает Александра Яковлевна, требуется чуточку везения. Начинала она не на голом месте — стараниями са-

додовод в Россоши уже была собрана богатая сортовая коллекция. Есть с чем работать селекционеру. Рядом добрые советчики — сам Ульянищев, а еще муж — опытный ученый, агротехник Евгений Георгиевич Бисти, а еще — уже сложившийся коллектив. И — все впереди. Колхозное садоводство в те годы переживало взлет, схожий с нынешним дачным бумом. От ученых уже ждали сорта высокоурожайные, не поддающиеся капризам погоды и болезням-вредителям.

— Вишня по популярности у нас вторая после яблони, — напоминает Ворончихина. — В целебности яблоку мало уступает. Сотни лет она служит человеку, а он столько же стремится вывести и вырастить сорт по душе. Чтобы был зимостойким, при цветении не поддавался весеннему холоду, терпеливо переносил летнюю засуху.

Закладываются опыты десятками, сотнями, пока не явится желанное деревце. Хорошее «дитя» родилось от опыления цветков вишни Ульянищева смесью пыльцы черешни. Плодоносит с трехлетнего возраста. Ягодки весом до шести граммов, приятно кисло-сладкие. Дерево сильнорослое, стройное и красиво в любом саду. Схоже появился сорт «сюрприз»: он скороплоден, ростом поменьше. А еще теперь растут в наших садах «гирлянда», «гриот росошанский», «лада», «прима», «россошанская черная», «салиут», «черная крупная», «щедрая росошанская». На все вкусы вишня.

Ее сладкая дочь — черешня. Еще древние греки писали о ней, нахваливали за раннюю спелость. В Центральном Черноземье до недавнего времени черешня оставалась заморской гостьей, теперь приживается у нас. К этому лично причастна Ворончихина. Журнал «Приусадебное хозяйство» сообщает, что даже в Подмосковье хозяйкой себя чувствует черешня Россошанской общины. А это сорта «Галочка», «оригинальная», «ранняя розовая», «россошанская золотая», «россошанская крупная» и, конечно, «Юлия». Она, кстати, давала с дерева до восьмидесяти килограммов светло-кремовых с розоватым румянцем ягод.

Слива, как и вишня, — в старожилах. Да ведь ее тоже хочется видеть лучшей. Красновато-вишневая цветом «жизнь» вознаградила за труды Ульянищева и Ворончихину. «Ренклюд советский», «Ника», «голубка», «братская» глянутся многим садоводам.

Ученый-садовод награждена Памятной медалью имени Н.И. Вавилова, медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», серебряной медалью ВДНХ СССР.

Двум десяткам сортов вишни, сливы и черешни дала жизнь Александра Яковлевна. Из них семь районированы, выдержали испытания и рекомендованы для разведения.

Как появляется название сорта? Ворончихина рассказывает, что обычно легче проходят через Государственную комиссию имена, связанные с местностью, с родительскими сортами.

— Захотелось черешню «Юлией» окрестить. Мне заявляют: имя не из говорящих, измените. Выручил Михаил Михайлович Ульянищев. Доводы нашел быстро, мол, черешня из южного края, имя Юлия тоже пришло из Древней Греции...

Считают, что сливу «Ника» я называла в честь богини. Это самой уже после дошло. Брала же от имени Вероника.

— Какая же пора года вам больше по душе, Александра Яковлевна? Призадумалась лишь на миг.

— Когда цветут сады...

В конференц-зале на одном из межоконных простенков сразу бросается в глаза фотография: с птичьего полета оптическим взглядом охвачена нынешняя станция, на приречной луговине по вздыбленным взлобкам меловых кражей ровными клетками — сады, сады, сады. Приметны и светло-кирпичные кубики лабораторных корпу-

Александра Яковлевна
Ворончихина

сов, производственных зданий и жилых домов, выделяются сверкнувшие стекольным блеском теплицы.

На сотнях гектаров земли — сотворенный человеком памятник природы. Здесь новое поколение ученых-садоводов разрабатывает узловые проблемы селекции и агротехники плодовых, ягодных деревьев и кустарников, цветов в Центральном Черноземье. Ученые Таисия Макаровна Мамаева, Виктор Тимофеевич Пьянников, Сергей Иванович Шалимов, Юрий Евгеньевич Фоменко, Татьяна Михайловна Фоменко, Варвара Григорьевна Хомко и их коллеги анализируют очередные итоговые выкладки. Рисунчатые схемы-чертежи вводят в круг сегодняшних забот. Вырисовывается новый промышленный сад. В нем многолюднее станут деревьям, их число значительно увеличится на том же гектаре земли. Первые опыты показали — намного возрастет и урожайность. Но для того чтобы дать добро в жизнь такому саду, нужно в комплексе решить немало вопросов: выбрать, какие сорта лучше переносят «тесноту», как должны действовать орошаемые установки, как вносить удобрения, как обрезать кроны деревьев, как защищать их от болезней и вредителей, как убирать урожай с помощью машин...

Новому саду нужна и новая технология ухода за ним.

Ученых ждут дела, в которых им уже явственно видятся сады, какие украсят завтра наш отчий край.

За окном же в этот час зима рядила кружевами инея яблоневый сад. И когда в ветвях искрился солнечный свет, яблони и впрямь стояли майскими невестами в белом цвету.

5

...Так было до девяностых годов прошлого двадцатого века.

Если чеховские герои мечтали украсить Родину садами, то в воронежской Росоши — во глубине России — жили люди, какие это делали. «Пенсионный» возраст на плодово-ягодной опытной станции нынче здесь встречают в тяжких условиях. Живание в «капиталистический рынок» дается нелегко.

— До недавнего времени главной нашей заботой было научное развитие садоводства, — говорит нынешний директор станции Александр Николаевич Поляков. — Разрабатывали, совершенствовали технологию возделывания промышленного и любительского сада, выводили новые перспективные сорта плодовых, ягодных. Именно для этого, кстати, и создавалась станция.

Как и вся наука, жили под опекой государства.

И вдруг в одночасье, как во фронтовой обстановке, кинуты на произвол судьбы. Самообеспечивайтесь! Вот и приходится искать золотую середину между наукой и производством.

Поляков, Ульянищева и новый заведующий отделом селекции косточковых культур Александр Иванович Сычев пригласили в сады, чтобы ознакомиться с текущей жизнью станции.

Сычев до недавнего вел селекцию абрикоса, алычи, персика в Донецком филиале садоводческого института на Украине близ города Артемовска.

— Новые хозяева сразу мне разъяснили, что селекция их не интересует, — рассказывал Александр Иванович. — Затраты окупаются не сразу. Потому станция превращается в садоводческий питомник. Выращиваем и торгуем саженцами. Это работа не для меня. Пришлось искать иное место под отчим солнцем. Ближе всего оказалась Россошь, о садовых которой хорошо знал. В директоре станции Александре Николаевиче Полякове увидел человека, радеющего о науке, потому решил обосноваться здесь.

— Осмотрелся, — подчеркивает Сычев, — не на голом месте начинаю работать. Основатель станции Михаил Михайлович Ульянищев еще в тридцатые годы довольно удачно разводил персики, виноград. Его прекрасные сорта абрикоса свидетельствуют, что труд ученого оправдан.

...Проселочная дорога ныряет под шлагбаум. Первая в опояске лесопосадок «клетка» на пути — увы, не сад, а огород.

— Раннюю капусту срезали, продали, — объясняет Поляков. — Столовая свеколка прекрасная, копаем. Морковь хороша. Покупатели, надеемся, найдутся...

Конечно, для ученого-селекционера огородные заботы, мягко говоря, не по профилю. Они забирают немало сил и времени. Но куда деваться? Ведь на этих грядках растут «живые деньги». Капуста-морковка позволяют регулярно выдавать людям пусть скудноватый, но заработок. А еще позволяют купить горючее для того, чтобы тракторист мог выехать на главное поле селекционера, которое не без гордости показывали мои собеседники.

Представьте чистую и ровно вспушенную пашню. На ней, как под линейку, высажены деревца. Квадраты зелени по чернозему. Это участок первичного изучения сортов. Тут коллекционный сад, где собраны сотни сортов абрикоса и персика, алычи и сливы, вишни и черешни, грецкого ореха. Здесь лаборатория ученого, где рождается сад будущего.

Вслух удивляешься:

— На усадьбе деревце холишь — не всегда приживается. Как же вам удастся без потерь вынянчить большущий сад?

— Дерево любит простор, — растолковывает добродушно Александр Иванович.

* * *

Мои спутники рассказали, что Россошанскую зональную опытную плодово-ягодную станцию недавно посетили китайцы. Гости представляли научно-производственную фирму «Гуанхэ» из провинции Шаньдун, расположенной чуть южнее Пекина на берегах Желтого моря. Занимаются они «преобразованием природы» — озеленением своего края, что является частью экологических программ, которые осуществляются в масштабах всей страны.

Китайцам нужен посадочный материал декоративных культур. Но при осмотре здешнего питомника, богатого парка, садов их заинтересовали ягодные, плодовые. Конечно, в свои списки они сразу занесли сирень, жимолость, лещину, можжевельник, жасмин, барбарис, приглядывались к каштану конскому и ореху грецкому. Посчитали, что в парках и полевых лесопосадках украшением могут стать здешние сорта вишен и черешен.

— Общаться с ними интересно, — рассказывает Александр Сычев, заместитель директора станции по науке. — В делегации был профессор Чжан Годжень, давний выпускник Киевской академии. Прекрасно знает русский язык, понимает украинский. Сам он ученый-биохимик, не отказывает в помощи своим ученикам, взявшимся за преобразование степей.

Чуть раньше Сычев гостил в Китае.

— Нас там привлекли китайские вишни, зимостойкий финик, груши лежкие, которые очень долго хранятся, — говорит Александр Иванович.

Подписан договор о сотрудничестве. Китайцы намерены закупать в Россоши саженцы. Но вопрос этот непростой. Его должны основательно изучить и проработать специалисты карантинных служб обеих стран.

Неподдельный интерес гости проявили к истории нашего края. Побывали в краеведческом музее. Кстати, тут они увидели портрет знаменитого преобразователя русских степей Василия Васильевича Докучаева, который утверждал, что ветры, бури, засухи и суховеи — «не зло, их только надо изучить и научиться управлять ими, и тогда они же будут работать нам на пользу».

* * *

...Останавливаемся в опытном грушевом саду. Здесь хозяйка — Анна Михайловна.

— Еще в довоенные годы отец выделил для себя селекцию яблони, а грушу передал Непорожному. Мне довелось продолжить дело, начатое ими с пятидесятых, — рассказывает Ульянищева. — Ставилась задача вывести сорта груш — зимостойкие, урожайные, скороплодные и, конечно, вкусные и красивые, с разными сроками созревания, с хорошей лежкостью при хранении.

Ульянищевские груши именно таковы. Они выдержали испытания и постоянно прописаны не только в садах Черноземья. «Бере русская» с урожайностью не ниже, чем у яблони. «Десертная россошанская» с двухсотграммовой грушей на ветке. «Мраморная» — медалистка и дипломантка на зарубежных выставках. «Подгорянка» хранится до декабря. «Гранатовая», «лучистая», «нежная», «память Непорожного», «россошанская красивая»...

«Россошанская ранняя» уже с конца июля в зелени листья загорелась желто-красным спелым румянцем. Ешь — не наешься. А на другом дереве еще зелена и крепка груша. Крупна же — в два богатырских кулака!

— Сорт пока номерной, — говорит Анна Михайловна. — Назвать его хочу «Тихий Дон». Из груш новый сорт должен бы быть самым долговечным, как и знаменитая книга Шолохова. Михаил Александрович ведь гостил у нас. Выбирал саженцы для своего сада.

Ульянищева подводит к другому дереву.

— Тоже новый сорт. В сентябре плод станет нарядным, округлится, румянец уже появится. Как сказочная девочка Дюймовочка. Согласится Госкомиссия — такое имя и дадим груше.

Мечта у Анны Михайловны — подарить садам грушу с плодами, которые в обычном бы подвале спокойно хранились до будущей весны. И она сбудется. Если...

Если вынесет рыночную «бомбежку» опытная плодово-ягодная станция...

Не вынесла, не выдержала... На исходе 2019 года ее закрыли. Российская селекция у новых капиталистов в забвении. По сути, сейчас остается питомник, пусть прекрасный, только ведь это хозяйство, занимающееся лишь выращиванием и продажей плодов и саженцев.

...Есть в Подгорном сельская улица Ульянищева, на которой жил Михаил Михайлович. В Россоши на здании ныне колледжа мясной и молочной промышленности стоило бы установить мемориальную доску с текстом: *«В 1930-е годы здесь в Птице-промышленном институте и техникуме работал преподавателем Михаил Михайлович Ульянищев (15 (27).04.1894 — 25.08.1972). Известный русский ученый-садовод, основатель Россошанской зональной опытной плодово-ягодной станции».*

Из личного. Среди зимы в Воронеже зашел в магазин купить гостинцы. Остановился возле контейнера — большой металлической трубчатой корзины. Горкой доверху лежали сетки с яблоками. На меня улыбалось по окрасу «россошанское полосатое»? Не ошибся! Подтвердила это торговая этикетка Острогожского плодового хозяйства. Внучата ели Ульянищевские яблоки — за ушами трещало. А знаменитому сорту пошел уже девятый десяток лет!..

